

Научные труды Дальрыбвтуза. 2023. Т. 64, № 2. С. 30–38.
Scientific Journal of the Far Eastern State Technical Fisheries University. 2023. Vol. 64, no 2. P. 30–38.

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ РЫБОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ОТРАСЛИ В РОССИИ:
XVII – НАЧАЛО XXI ВВ.

Научная статья

УДК 93/94

DOI: <https://doi.org/10.48612/dalrybvtuz/2023-64-03>

**Формирование и развитие промышленно-промысловых кластеров
Волго-Каспийского рыболовного района в 1861–1914 гг.**

Сергей Вадимович Виноградов¹, Наталия Игоревна Кулакова²

^{1,2} Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева, Астрахань, Россия

¹dissovetdm@yamdex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6601-4363>

²vol-na1986@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0363-2797>

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена интересом научного сообщества к проблемам освоения новых территориальных пространств, открывающихся в связи с происходящими глобальными климатическими изменениями. Россия обладает уникальным историческим опытом в этой сфере, примером чего является успешное развитие и заселение в 1861–1914 гг. Волго-Каспийского рыболовного района, богатые рыбные ресурсы которого стали важным продовольственным фактором в разворачивавшемся процессе индустриализации страны. Целью исследования является изучение роли промышленно-промысловых кластеров в развитии Волго-Каспийского рыболовного района в 1861–1914 гг.

Ключевые слова: кластер, рыбные ресурсы, промысел, рыбная промышленность, Волго-Каспийский район, ловец, Астраханская губерния, рыбопромышленник

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00547 «Модель регулирования трудовой миграции в Российской империи в 1861–1914 гг. (на примере формирования промышленно-промысловых кластеров Волго-Каспийского рыболовного района)», <https://rscf.ru/project/23-28-00547/>.

Для цитирования: Виноградов С.В., Кулакова Н.И. Формирование и развитие промышленно-промысловых кластеров Волго-Каспийского рыболовного района в 1861–1914 гг. // Научные труды Дальрыбвтуза. 2023. Т. 64, № 2. С. 30–38.

FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE FISHERY INDUSTRY IN RUSSIA:
XVII – EARLY XXI CENTURIES

Original article

DOI: <https://doi.org/10.48612/dalrybvtuz/2023-64-03>

© Виноградов С.В., Кулакова Н.И., 2023.

Formation and development of industrial and commercial clusters of the Volga-Caspian fishing region in 1861–1914

Sergey V. Vinogradov¹, Natalia I. Kulakova²

^{1,2} Astrakhan Tatishchev State University, Astrakhan, Russia

¹dissovetdm@yamdex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6601-4363>

²vol-na1986@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0363-2797>

Abstract. The relevance of the study is due to the interest of the scientific community in the problems of developing new territorial spaces that are opening up in connection with taking place global climate changes. Russia has a unique historical experience in this area, an example of which is the successful development and settlement in 1861–1914 the Volga-Caspian fishing region, whose rich fish resources have become an important food factor in the unfolding process of the country's industrialization. The aim of the study is to study the role of industrial and commercial clusters in the development of the Volga-Caspian fishing region in 1861–1914.

Keywords: cluster, fish resources, fishing, fishing industry, Volga-Caspian region, catcher, Astrakhan province, fisherman

Acknowledgments: this work has been supported by the grants the Russian Science Foundation № 23-28-00547 «Model of regulation of labor migration in the Russian Empire in 1861–1914 (by the example of the formation of industrial and commercial clusters of the Volga-Caspian fishing region)», <https://rscf.ru/en/project/23-28-00547/>.

For citation: Vinogradov S.V., Kulakova N.I. Formation and development of industrial and commercial clusters of the Volga-Caspian fishing region in 1861–1914. *Scientific Journal of the Far Eastern State Technical Fisheries University*. 2023;64(2):30–38. (in Russ.).

Важной причиной ускоренного развития Волго-Каспийского рыболовного района (далее – ВКРР), большую часть территории которого составляла Астраханская губерния, в исследуемый период стало формирование на основе крупного купеческого капитала промышленно-промысловых объединений (кластеров), замыкавших на себе все сегменты рыбного промысла от добычи рыбы, ее обработки и транспортировки до продажи готовых рыбопродуктов. К ним можно отнести рыбопромышленные компании Сапожниковых, Леоновых, Агабабовых, Сторожевых, К.В. Карастелева, П.К. Платонова и др. В 1910 г. из 450 официально работавших в Астрахани рыбопромышленных компаний лишь 30 крупных, с капиталом от 15 тыс. руб. до 250 тыс. руб., можно отнести к категории кластеров. Годовая прибыль этих кластеров значительно превышала прибыль остальных рыбопромышленных предприятий вместе взятых. Кластеры также являлись основными работодателями в ВКРР, привлекавшими в регион основную массу трудовых мигрантов. Предприятия этих объединений обеспечивали работой не менее 50 % от общего числа работников рыбной отрасли [1, с. 754].

В среднем промышленно-промысловом кластере региона работало от 700 до 1 000 работников разных специальностей, в крупном их численность могла достигать до 10 000 чел. В исследуемый период крупные кластеры сформировались и успешно функционировали в важнейших рыболовецких центрах региона: Икряное, Оранжевое, Камызяк, Лагань и т.д. [2, с. 25].

Долгое время основной причиной нехватки рабочих рук на рыбных промыслах ВКРР было крепостное право. Его отмена привела к значительному увеличению трудовой миграции в Астраханскую губернию. Статистические данные показывают, что наблюдался устой-

чивый рост численности крестьян из центральных и поволжских губерний, пребывавших в Астрахань с целью устройства на работу на рыбные промыслы: если в 1860 г. их было 17 000 чел., то в 1913 г. – уже около 200 000 чел. [3, с. 21–22].

Часть приезжих оседало в Волго-Каспийском рыболовном районе, обживая его пространство. Легенды о вольной и сытой жизни в низовьях Волги с XVI в. ходили среди крестьян центральной России. В пореформенный период они получили возможность на воплощение своей мечты в жизнь. Идея такого переселения в среде крестьян была очень популярной [4, с. 1564–1565]. Этим отложенным в течение длительного времени спросом объясняется скачок роста населения ВКРР, произошедший во второй половине XIX в., – на 160 %. В Европейской части России больший прирост в процентном отношении был зафиксирован только в столичной Санкт-Петербургской (Петроградской) губернии и в Землях Войска Донского [5].

Своеобразие рынка труда в Волго-Каспийском рыболовном районе заключалось в сезонности выполняемых работ. Основной поток трудовых мигрантов из других регионов России прибывал на рыбные промыслы в марте, до начала ледохода по Волге. Потребность в рабочей силе в течение года испытывала значительные колебания. Максимальная ее потребность на рыбных промыслах существовала во время весеннего хода рыбы из Каспийского моря вверх по Волге на нерест, – в весеннюю путину. Если число рабочих, принимавшихся в промышленно-промысловые кластеры, принять за 100 %, то осенью, во время осенней путины, требовалось 40 % от этого количества, а зимой – не больше 10 % [6, л. 1–8].

Работа на рыбных промыслах ВКРР была организована следующим образом. 5 % от общего количества работников были заняты круглогодично. Это были, как правило, квалифицированные специалисты: капитаны рыболовных судов, мастера по производству черной икры – икрянники, солильщики рыбы, кузнецы, медицинские работники. Также постоянно функционировала промысловая контора с 5–10 служащими: управляющий, приказчики, бухгалтер и т.д. [7, л. 8–9].

Каждый новый сезон требовал отдельного подхода в поиске и наборе рабочей силы. Учитывая эти сложности, крупные кластеры организовывали «кадровые агентства», куда входили специально обученные приказчики, умевшие работать с разными категориями прибывавших в регион трудовых мигрантов. Их роль сводилась не только к набору новых работников и заключению трудового договора. В течение путины приказчик курировал сформированную рыболовную артель, подбирая старшего, наблюдал за дисциплиной и качеством выполнявшихся работ. По окончании действия договора приказчик через старшину артели расплачивался с работниками. Обычно приказчик курировал несколько артелей. Для таких «кадровиков» важно было иметь хорошую репутацию, которая помогала им в отборе лучших работников в условиях конкуренции с приказчиками других рыбопромышленных предприятий региона [8, с. 23].

В исследуемый период процессы механизации слабо затрагивали работу промышленно-промысловых кластеров. Объяснялось это наличием значительного количества дешевой рабочей силы. Другой важной причиной являлось отсутствие на Каспии внешней экономической конкуренции, в отличие от северных и дальневосточных рыболовных бассейнов, где русским рыбакам приходилось соревноваться с норвежцами и японцами [9, с. 181–182].

Условия работы и быта рабочих рыбных промыслов были тяжёлыми. В период наиболее трудоемкой весенней путины они получали только один выходной – обычно, в период празднования Пасхи. Зарплата рабочих зависела от их квалификации, вида выполняемых работ, пола, а также времени года. Часть заработка работники вынуждены были брать продовольствием через продуктовую лавку [10, л. 45–47].

Лов рыбы на Волге и ее притоках осуществлялся в удобных для этого местах, называвшихся тонями. Обычно тень находилась недалеко от основных рыбоперерабатывающих предприятий кластера. Лов на тоне осуществлялся неводами. Труд неводного рабочего тре-

бовал специальных навыков и хороших знаний местных условий, поэтому рыбопромышленники старались брать в неводные артели жителей местных сел, либо национальные бригады, состоявшие из калмыков и казахов. Особенно ценилась работа калмыцких неводчиков [11, с. 19]. Неводные рабочие являлись одними из самых высокооплачиваемых в рыбном деле [12, л. 16–18]. На работы, связанные с первичной обработкой, погрузкой и разделкой рыбы, а также упаковкой рыбных продуктов, ставились мигранты [13, с. 23].

На рыбопромысловых предприятиях широко использовался труд женщин и детей. Это позволяло крестьянам из центральных губерний приезжать на работу семьями. Женский труд на рыбном промысле по напряженности и продолжительности был не легче мужского, но оплачивался на треть ниже, а ребенку за труд платили половину от заработка взрослого [14, л. 40].

Основным сегментом промышленно-промыслового кластера являлась ватага. Ею назывались все здания и постройки, необходимые для производства рыбных продуктов и для жилья рабочих и служащих. Ватаги, построенные на морских берегах или недалеко от моря, назывались морскими, а в близ речных вод, соответственно, речными. Речные ватаги старались возводить поблизости от тоней, а также в местах, удобных для доставки улова не только с реки, но и с моря. На ватагах имелись жилые помещения для главного администратора – надзирателя, рабочих и прочих служащих. На крупных ватагах обычно располагался дом владельца или арендатора вод. Из хозяйственных помещений там имелись холодные помещения: амбары и лабазы для хранения рыбы и продукции из нее, склады для размещения рыболовных орудий, материалов, продовольственных запасов, соли и т.д., и, наконец, особые постройки: плоты и пристани, где принималась и солилась рыба, изготавливалась черная икра, клей, визига и другие ценные товары из каспийской рыбы [15, с. 21].

Многие ватаги имели также постройки для вытапливания жира из каспийской селедки, который в XIX в. использовался для освещения российских городов. Обычно такие помещения из-за неприятного смрада располагались на отдалении от ватаги. Жиротопление было особенно широко распространено в первой половине XIX в. Но, по мере усиления потребительского спроса на продукты из селедки, хозяева рыболовных ватаг в пореформенный период постепенно отказывались от жиротопления [16, с. 31–32].

Плот, на котором принималась и разделялась добытая рыба, устанавливался у берега на сваях, вбитых в дно реки. Деревянный пол такого сооружения располагался приблизительно на 1 м выше поверхности воды. Такие плоты были огорожены со всех сторон деревянным частоколом и накрывались навесом от знойного астраханского солнца. В их ограждении имелось от 2 до 4 широких ворот, из которых половина была обращена к реке, для приемки улова, а другая часть – к берегу, для вывоза обработанной рыбы. К плоту причаливали ловецкие лодки с уловом. Для прохода рыбаков на плот от него к воде отходил так называемый *волок*, т.е. дощатый скат со ступенями по бокам. По этому волоку из лодок на плот вытаскивали красную рыбу и сомов, где их раскладывали и подвергали первичной разделке. Частиковая рыба выкидывалась на плот баграми. Специальный промысловый приказчик проверял количество привезенной рыбы и вел отдельный счет по ее сортам [17, с. 21–22].

Разделанная и обработанная для посола рыба складировалась в специальных помещениях ватаги. Обычно это были подвалы, вырытые в холмах и называвшиеся выходами. В особых, сухих помещениях – амбарах, хранилась соль, использовавшаяся для посола рыбы. В середине выхода, во всю его длину, проходил коридор, по обе стороны которого располагались деревянные ящики-ларь. В крыше, над коридором, устраивались специальные окна, освещавшие помещение. Кроме того, на морских промыслах в крыше выхода оставлялось большое отверстие, чрез которое по волоку спускали в выход большую красную рыбу. Между стенами выхода и боками ларей, с трех сторон у каждого ларя оставлялись значительные пустые пространства, которые набивались льдом. Температура воздуха в выходе в летнее время колебалась в промежутке 4–10 °С [18, л. 5].

Лари были длиной от 4–7 м, шириной до 4 м и глубиной от 1,5–3 м. В такие лари умещалось до 100 000 штук сельдей, или 45 000 лещей, или 30 000 штук судаков или до 30 т красной рыбы. Кроме ларей в выходах устраивались еще котлы – чанья, диаметром до 3 м. В них помещалось до 45 000 сельдей или до 20 000 штук лещей. Число ларей и чаньев в выходах было различным и зависело от размера выхода и самого предприятия. Кроме того, рыба солилась еще в колодах – небольших ларях, вмещавших до 20 т частиковой рыбы. На Петропавловской ватаге, находившейся на 55 км выше Астрахани, были устроены четыре больших выхода, преимущественно для посола сельди, и в каждом выходе находилось от 30 до 40 ларей [19, л. 40–42].

Лабазы, или выходы без льда, устраивались в основном на небольших промыслах, из леса или из камыша с продольными и боковыми воротами. В них находились лари, чанья и получанья исключительно для посола частиковой рыбы и, притом, меньших размеров по сравнению с описанными выше ёмкостями, находившимися в выходах больших ватаг. Чанья эти вмещали до 20 000 штук частиковой рыбы. В лабазах температура воздуха равнялась внешней температуре и для вентиляции отворялись все двери и окна [20, с. 21–22].

На юге Каспийского моря на рыбных промыслах, располагавшихся на реке Кура (ныне Республика Азербайджан) и в Персии, выходов и амбаров не строили. Там для посола рыбы прямо на плотах устраивали длинные и узкие деревянные ящики, или выдолбленные дубки-куласы, в которых и солилась рыба. В Уральской рыболовной области не было специальных приспособлений для засолки большого количества рыбы. Рыболовством там занимались казаки, которые либо сами засаливали улов из расчета на семью, либо продавали улов купцам (в основном, астраханцам), которые следовали за ловцами во время лова [21, л. 3].

Еще одним фактором успешного развития производственно-промысловых кластеров в исследуемый период стало устойчивое увеличение потока морской рыбы на перерабатывающие предприятия, поставляемой ловцами. С конца XVIII в. в низовьях Волги и на северном побережья Каспийского моря сформировалась особая социальная группа населения – астраханские ловцы. До 1930-х гг. в ВКРР более привычное слуху в настоящее время слово «рыбак» не использовалось, так как имело другое значение – скупщик рыбы. Ловцом же считался тот, кто ловил рыбу [22, с. 755].

Состав ловецкого населения был весьма пестрым. По большей части это были бывшие крепостные крестьяне из центральных губерний России, бежавшие от своих помещиков, либо не вернувшиеся после выполнения оброчных работ выходцы из государственных крестьян, которыми Правительство пыталось заселить северные, земледельческие уезды Астраханской губернии, а также примкнувшие по различным причинам к поселенцам представители местных кочевых народов: калмыки и казахи. После отмены крепостного права количество ловцов стало быстро расти. Если в 1873 г. официальная статистика насчитывала около 23 000 ловцов, то в 1914 г. их было уже более 120 000 чел. (без учета членов семей) [23, с. 20–21]. Ловцы проживали в селениях, которые располагались по всему побережью северного Каспия от устья Терека на западе до устья Урала на востоке. Особенно много ловецких поселений было в низовьях Волги [24, л. 82–95].

По месту лова и оснащению выделялись морские и речные ловцы. Морской лов был более прибыльным, но, чтобы им заниматься, необходимо было иметь первоначальный капитал на приобретение судна, снаряжения, запаса продовольствия для многомесячного пребывания в море, найма работников из новых переселенцев. Но большинство ловцов стремились преодолеть имевшиеся трудности и осуществлять именно прибыльный морской промысел, которым в 1907 г. занимался 71 % ловцов, а речным ловом – лишь 29 % [25, с. 22–23].

Крупным достижением ловецкого хозяйства стало создание судов и больших лодок, с помощью которых можно было эффективно заниматься рыбным промыслом в Каспийском море. В исследуемый период ловцы и рыбопромышленники использовали для осуществления морского лова следующие типы судов и лодок:

1. *Сточное судно* (или *стойка*), имело корпус от 6 до 11 м в длину по килю, в ширину без бортов до 3 м и в высоту от киля до палубы 2 м. Стойка имела сплошную палубу, с двумя мачтами на которых могла нести до 5 парусов. Грузоподъемность этого судна составляла от 11,5 т до 50 т [26, с. 9–12].

Стойка являлась самым востребованным на Каспийском море рыболовным судном, рассчитанным на длительное пребывание в открытом море. Оно всегда сопровождалось двумя или четырьмя маленькими лодками-подчалками, на каждой из которых имелся кормчий и двое рабочих. На самой же стойке распоряжался лоцман. Тактика лова с использованием сточного судна была следующей. Стойка прибывала на место лова и становилась на якорь на время путины, превращаясь фактически в ватагу в малом виде. На ней находились съестные припасы и все необходимые для производства лова орудия. Кормщики и рабочие брали на подчалки известное количество рыболовного снаряжения и расходились по разным направлениям, для постановки сетей. На сточное судно они возвращались для разгрузки улова и вновь уходили в море. На стойке происходила первичная обработка рыбы (распластывание) и ее посол, приготавливалась черная икра. На стойке также чинились рыболовные снасти, точились крючки. Ловцы использовали судно в качестве места отдыха и приготовления пищи.

2. *Подчалок* или *реюшка*, отличалась от стойки меньшими размерами, не имела палубы и прямого паруса. Экипаж этого судна составлял обычно 4 чел.

Рыбницей называли беспалубное тупоносое, широкодонное судно, принадлежавшее скупщикам рыбы, в которое складировали улов. Рыбница представляла собой судно в 10 м длиной и 1,5 м шириной, грузоподъемностью в 16 т. Обычно она имела 2 мачты, была оснащена 2 косыми парусами и 2 парами весел.

4. *Прорезь* – судно, предназначавшееся для перевозки рыбы, в основном осетровых пород, в живом виде. Особенность конструкции прорези заключалась в следующем: глухие перегородки отделяли нос и корму судна от его средней части и не допускали воду в кормовую и носовую части. За счет этого даже нагруженное судно держалось на поверхности моря. В средней части, с боков и в самом дне, прорубались небольшие отверстия, через которые поступала свежая вода. Грузоподъемность прорези обычно составляла 16 т.

5. *Бударка* – большая лодка, которую ловцы использовали для лова в прибрежных водах. Обычно она имела длину от 4 м до 7 м по килю, а ширину до 1 м, грузоподъемность в 1,5 т. Бударка имела острый нос и управлялась *отпорным веслом*, т.е. длинным шестом с рукоятью.

6. *Косная лодка* использовалась в представительских целях хозяевами промыслов, либо лицами, осуществлявшими надзор за рыболовством. Она была легкой, узкой, с приподнятым высоко носом. Косные лодки различались по размерам. Самые большие начитывали в длину до 10 м и в ширину до 2 м. Они могли быть 8-, 10- и 12-весельными, с двумя мачтами для косых парусов. Для удобства пассажиров над палубой такой лодки при необходимости раскрывался зонт [27, с. 33–35].

Промышленно-промысловые кластеры в исследуемый период стали основой экономики региона, основным источником благосостояния его жителей и массы трудовых мигрантов, заместив малопродуктивные помещичьи рыбные промыслы [28, л. 3–5]. Помимо Астраханской губернии, рыбная отрасль региона обеспечивала работой множество предприятий, расположенных в других регионах России. В основном это были производства смежных отраслей: кораблестроительной, бондарной, сетевязальной и т.д. [29, с. 63]. Водный транспорт и железнодорожные компании также получали значительную прибыль от сотрудничества с производственно-промысловыми кластерами ВКРР [30, с. 57].

Как уже отмечалось выше, рыбный промысел Волго-Каспийского рыболовного района имел важное государственное значение. В начале XX в. в районе ежегодно добывалось около 40 тыс. т рыбы, что составляло, примерно, 65 % от общего улова Российской империи и 6 % мировой рыбодобычи. Это было больше, чем в Черном, Баренцевом, Белом и Балтийском

рыболовных районах вместе взятых. В производственно-промысловых кластерах ВКРР изготавливалась большая часть деликатесных рыбных товаров (балык, черная икра), которые Российская империя отправляла на экспорт [31, с. 756].

Таким образом,

- период 1861–1914 гг. стал успешным для освоения и развития Волго-Каспийского рыболовного бассейна. На его пространстве добывалось больше половины общего улова Российской империи, а рыбоперерабатывающие предприятия региона были крупнейшими поставщиками рыбных товаров в российские города и зарубежные страны;

- отмена крепостного права привела к увеличению трудовой миграции на рыбные промыслы ВКРР и бурному росту населения региона, которое за период 1850–1897 гг. увеличилось на 160 %;

- локомотивами быстрого развития рыбной промышленности региона стали сложившиеся на основе купеческого капитала промышленно-промысловые кластеры, концентрировавшие в себе все этапы рыбного промысла от добычи рыбы до продажи рыбных товаров. Такие крупные кластеры стали основными работодателями региона, привлекавшими в ВКРР значительную часть трудовых мигрантов;

- основным драйвером роста рыбодобычи в регионе стали ловцы – особая социальная группа населения, формировавшаяся в низовьях Волги и на северном побережье Каспия с XVIII в. из беглых крестьян. В исследуемый период они, представляя собой мелких и средних собственников, стали основным поставщиком морской рыбы для промышленно-промысловых кластеров. О росте благосостояния этой социальной группы красноречиво свидетельствует устойчивый рост ловецкого населения с 23 000 в 1873 г. до 120 000 – в 1914 г.;

- большой приток трудовых мигрантов из центральных губерний и отсутствие внешней конкуренции позволяло рыбопромышленникам получать большие прибыли за счет эксплуатации рабочей силы приезжих и экономии на технических новшествах.

Список источников

1. Виноградов С.В., Турицын И.В., Ещенко Ю.Г., Савельева Е.В. Значение трудовой миграции в освоении окраинных территорий Российской империи в 1861–1914 гг. (на примере Волго-Каспийского рыболовного района) // Былые годы. 2021. № 16(2). С. 750–759. DOI: 10.13187/bg.2021.2.750.

2. Киселев В.К., Киселева Р.А. Экономика воспроизводства рыбных запасов. М. : Лег. и пищ. пром-сть, 1983. 192 с.

3. Мейснер В.И. Основы рыбного хозяйства. 2-е изд., перераб. М; Л. : Снабтехиздат, 1932. 112 с.

4. Ещенко Ю.Г., Савельева Е.В., Виноградов С.В., Лихолет О.В. Проблемы освоения окраинных российских территорий в XVIII в.: поиск стратегии (на примере Волго-Каспийского рыболовного района) // Былые годы. 2022. № 17(4). С. 1564–1574. DOI: 10.13187/bg.2022.4.1564.

5. Демография регионов Российской империи в 1850–1916 гг. URL: <https://aftershock.news/?q=node/479773&full&ysclid=lhs39vrie5887304651> (дата обращения : 15.05.2023).

6. Государственный архив Астраханской области (далее – ГААО). Ф. 182. Оп. 1. Д. 6.

7. Там же.

8. Бородин Н.А. Каспийско-Волжское рыболовство и его экономическое значение. СПб. : Тип. В. Киршбаума, 1903. 96 с.

9. Krasnozhenova E.E., Eshchenko Yu.G., Vinogradov S.V., Kulik S.V., Kulinok S.V. Developing freight transportation in arctic seas in 1900s-1920s // Voprosy Istorii. 2021. № 11–3. С. 178–187. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202111Statyi73.

10. ГААО. Ф. 675. Оп. 1. Д. 16.

11. Бородин Н.А. Каспийско-Волжское рыболовство и его экономическое значение. СПб. : Тип. В. Киршбаума, 1903. 96 с.
12. ГААО. Ф. 675. Оп. 1. Д. 13.
13. Бородин Н.А. Каспийско-Волжское рыболовство...
14. ГААО. Ф. 673. Оп. 1. Д. 8.
15. Шульц А. Взгляд на Каспийские рыбные и тюленьи промыслы // Труды Астраханского губернского статистического комитета. Выпуск 3. Астрахань : Губернская типография, 1874. С. 1–41.
16. Гримм О.А. Каспийско-Волжское рыболовство. СПб. : Тип. В. Демакова, 1896. 153 с.
17. Кисилевич К.С. К ловецкому вопросу // Наш край. 1924. № 1. С. 1–64.
18. ГААО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 27.
19. ГААО. Ф. 677. Оп. 7. Д. 196.
20. Шульц А. Взгляд на Каспийские рыбные и тюленьи промыслы...
21. ГААО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 27.
22. Виноградов С.В., Турицын И.В., Ещенко Ю.Г., Савельева Е.В. Значение трудовой миграции...
23. Кисилевич К.С. К ловецкому вопросу...
24. ГААО. Ф. 673. Оп. 1. Д. 5.
25. Кевдин В.А. Современное рыболовство России. М.: Тип. «Земля», 1915. 153 с.
26. Кисилевич К.С. К ловецкому вопросу...
27. Шульц А. Взгляд на Каспийские рыбные и тюленьи промыслы...
28. ГААО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 27.
29. Струбалина Н.К. Из истории освоения рыбных богатств Каспия и Астраханского края. Волгоград : Нижне-Волжское кн. изд-во, 1989. 94 с.
30. Виноградов С.В., Ещенко Ю.Г. Конкуренция новаторов: о некоторых особенностях развития волжского судоходства в 1870-х – 1880-х гг. // Современная научная мысль. 2021. № 6. С. 55–61. DOI: 10.24412/2308-264X-2021-6-55-61.
31. Виноградов С.В., Турицын И.В., Ещенко Ю.Г., Савельева Е.В. Значение трудовой миграции...

References

1. Vinogradov S.V., Turitsyn I.V., Eshchenko Yu.G., Savelyeva E.V. The importance of labor migration in the development of the marginal territories of the Russian Empire in 1861-1914. (on the example of the Volga-Caspian fishing area) // Bygone years. 2021. No. 16 (2). P. 750–759. DOI: 10.13187/bg.2021.2.750.
2. Kiselev V.K., Kiseleva R.A. Economics of reproduction of fish stocks. M. : Light and food industry, 1983. 192 p.
3. Meisner V.I. Fundamentals of fisheries. 2nd ed., pererab. M. ; L.: Snabtehzdat, 1932. 112 p.
4. Eshchenko Yu.G., Savelyeva E.V., Vinogradov S.V., Likholet O.V. Problems of development of marginal Russian territories in the XVIII century: search for a strategy (on the example of the Volga-Caspian fishing area) // Bygone years. 2022. No. 17 (4). P. 1564–1574. DOI: 10.13187/bg.2022.4.1564.
5. Demography of the regions of the Russian Empire in 1850-1916. URL: <https://aftershock.news/?q=node/479773&full&ysclid=lhc39vrie5887304651> (accessed : 05/15/2023).
6. State Archive of the Astrakhan Region (hereinafter – GAAO). F. 182. Op. 1. d. 6.
7. Ibid.
8. Borodin N.A. Caspian-Volga fishing and its economic significance. St. Petersburg : V. Kirshbaum Type, 1903. 96 p.

9. Krasnozhenova E.E., Eshchenko Yu.G., Vinogradov S.V., Kulik S.V., Kulinok S.V. Developing freight transportation in arctic seas in 1900s-1920s // *Voprosy Istorii*. 2021. No. 11–3. P. 178–187. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202111Statyi73.
10. GAAO. F. 675. Op. 1. d. 16.
11. Borodin N.A. Caspian-Volga fishing and its economic significance. St. Petersburg. : V. Kirshbaum Type, 1903. 96 p.
12. GAAO. F. 675. Op. 1. D. 13.
13. Borodin N.A. Caspian-Volga fishing...
14. GAAO. F. 673. Op. 1. D. 8.
15. Schultz A. A look at the Caspian fish and seal fisheries // *Proceedings of the Astrakhan Provincial Statistical Committee*. Issue 3. Astrakhan : Provincial Printing House, 1874. P. 1–41.
16. Grimm O.A. Caspian-Volga fishing. St. Petersburg: V. Demakov type, 1896. 153 p.
17. Kisilevich K.S. To the Lovetsky question // *Our region*. 1924. No. 1. P. 1–64.
18. GAAO. F. 194. Op. 1. D. 27.
19. GAAO. F. 677. Op. 7. D. 196.
20. Schultz A. A look at the Caspian fish and seal fisheries...
21. GAAO. F. 194. Op. 1. d. 27.
22. Vinogradov S.V., Turitsyn I.V., Eshchenko Yu.G., Savelyeva E.V. The significance of labor migration...
23. Kisilevich K.S. To the fishing question ...
24. GAAO. F. 673. Op. 1. D. 5.
25. Kevdin V.A. Modern fishing of Russia. M.: Type. "Earth", 1915. 153 p.
26. Kisilevich K.S. To the fishing question...
27. Shultz A. A look at the Caspian fish and seal fisheries...
28. GAAO. F. 194. Op. 1. D. 27.
29. Strubalina N.K. From the history of the development of the fish riches of the Caspian Sea and the Astrakhan region. Volgograd : Nizhne-Volzhsky Book Publishing House, 1989. 94 p.
30. Vinogradov S.V., Eshchenko Yu.G. Competition of innovators: on some features of the development of Volga shipping in the 1870s – 1880s. // *Modern scientific thought*. 2021. No. 6. P. 55–61. DOI: 10.24412/2308-264X-2021-6-55-61.
31. Vinogradov S.V., Turitsyn I.V., Eshchenko Yu.G., Savelyeva E.V. The importance of labor migration...

Информация об авторах

С.В. Виноградов – профессор, главный научный сотрудник, доктор исторических наук, ResearcherID: K-8232-2013, Scopus Author ID: 57215424344;

Н.И. Кулакова – доцент кафедры истории России, кандидат исторических наук, ResearcherID: M-4561-2016.

Information about the authors

S.V. Vinogradov – Professor, Chief Researcher, Doctor of Historical Sciences, ResearcherID: K-8232-2013, Scopus Author ID: 57215424344;

N.I. Kulakova – Associate Professor of the Department of Russian History, PhD in Historical Sciences, ResearcherID: M-4561-2016.

Статья поступила в редакцию 08.06.2023, одобрена после рецензирования 20.06.2023, принята к публикации 30.06.2023.

The article was submitted 08.06.2023, approved after reviewing 20.06.2023, accepted for publication 30.06.2023.